

УДК 81'37:398.22 (=512.157)
DOI 10.25587/k4197-4798-2737-0

A. E. Божедонова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЕМАНТИКА АХРОМАТИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (сопоставительный анализ на материале текстов якутского, алтайского, хакасского эпосов)

Аннотация. В данной статье рассмотрена семантика ахроматических цветообозначений в эпических текстах родственных тюркских народов – якутов, хакасов и алтайцев. Речь идет о цветообозначении, выраженном именем прилагательным. Богатое количество цветообозначений тюркских языков имеется в их эпических текстах, т. к. именно здесь сохранились уклад жизни предков, быт народа, географическая среда, мировосприятие и культура. Актуальность данной статьи заключается в том, что изучение цветообозначения вносит вклад в системный анализ лексики в целом. Исследование семантики лексических единиц было и остается одной из наиболее важных и актуальных проблем семасиологии. Еще большую значимость приобретает сопоставительное изучение соотносительных семантических полей разных языков. Цель статьи – анализ всего объема лексических значений цветообозначений в языке якутских олонхо, и последующее выявление универсальных и идиоэтнических особенностей в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов. При выполнении работы использовались следующие методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор примеров для анализа; метод контекстуального анализа, позволяющий изучить функциональную специфику слов и их значений в контексте; описательный метод, при первичном отборе и классификации материала; сравнительно-исторический методы, при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах; сопоставительный метод, при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах, а также при выявлении лексико-семантических объемов цветовых прилагательных, соотношения универсального и идиоэтнического в фольклорной системе цветообозначений; метод дистрибутивного и контекстуального анализа, дополненных элементами компонентного анализа, предполагающего разложение значения на семантические составляющие. Материалом для исследования выбраны, тексты якутского эпоса «Девушка-богатырь Джырыбына Джырыпъята» П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ, хакасского альпытыг-нымах «Ай-Хуучин» П. В. Курбижекова и алтайского героического эпоса «Алтай-Буучай» в вариантах А. Г. Калкина. Выявлены универсальные и идиоэтнические особенности в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов.

Ключевые слова: олонхо, хакасский эпос, алтайский эпос, цветообозначение, ахроматические цветообозначения, черный, белый, имена прилагательные, семантика, прямое номинативное значение, переносное значение.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

A. E. Bozhedonova

Semantics of achromatic color indications in epic texts (comparative analysis based on the texts of the Yakut, Altai, Khakas epics)

Abstract. This article discusses the semantics of achromatic color designations in the epic texts of related Turkic peoples – Yakuts, Khakass and Altaians. It is a color designation expressed by an adjective. A rich number

БОЖЕДОНОВА Алла Евгеньевна – н. с. сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

BOZHEDONOVA Alla Evgenievna – Researcher of the sector “Folklore Linguistics” of Olonho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

of color designations of the Turkic languages are found in their epic texts, since it is here that the way of life of the ancestors, the way of life of the people, the geographical environment, world perception and culture were preserved. The relevance of this article lies in the fact that color designations represent a semantic field, the study of which contributes to the systemic analysis of vocabulary in general. The study of the semantics of lexical units has been and remains one of the most important and urgent problems of semasiology. The comparative study of the correlative semantic fields of different languages acquires even greater significance. The purpose of the article is to analyze all the lexical meanings of color designations in the language of the Yakut olonkho, and the subsequent identification of universal idioethnic functions in the color designation system of the Yakut, Khakas and Altai epics. When performing the work, the following methods were used: the method of continuous sampling, with the help of which the selection of examples for analysis is carried out; the method of contextual analysis, which allows you to study the functional specifics of words and their meanings in context; descriptive method, in the initial selection and classification of material; comparative historical methods, when establishing the Yakut-Altai, Yakut-Khakas color parallels in the analyzed texts; the comparative method, when establishing the Yakut-Altai, Yakut-Khakas color parallels in the analyzed texts, as well as when identifying the lexical and semantic volumes of color adjectives, the ratio of the universal and idioethnic in the folkloric system of color designations; a method of distributive and contextual analysis, supplemented by elements of component analysis, implying the decomposition of meaning into semantic components. On the one hand, the texts of the Yakut epic *The woman-warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta* by P. P. Yadrikhinsky – Bedjelle, on the other hand – the Khakas alyptyg-nymakh *Ai-Huuchin* by P. V. Kurbizhev and the Altai heroic epic *Altai-Buuchai* in the versions of A. G. Culkin. Revealed are the universal and idioethnic features in the color designation system of the Yakut, Khakas and Altai epics.

Keywords: olonkho, Khakas epic, Altai epic, color designation, achromatic color designations, black, white, adjectives, semantics, direct nominative meaning, figurative meaning.

Acknowledgements: This research has been conducted as part of the scientific-research project NEFU “Heroic Epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: Problems and Perspectives of Comparative Study”.

Введение

Цвет и цветообозначение – совершенно разные вещи: цвет мы воспринимаем органами зрения, а цветообозначения представляют собой слова определенного языка, которые служат для обозначения, названия цвета. Глаз любого человека различает очень большое количество различных цветов и оттенков: в норме более тысячи, но, с биологической точки зрения, все люди, независимо от их языка и культуры, пола и возраста, расовой принадлежности, видят цветовой мир примерно одинаково. Между тем ни в одном языке нет тысяч цветообозначений. Мы объединяем большое количество оттенков в единый базовый цвет, например, говорим: лимонный и канареечный – оттенки желтого. Следовательно, цветообозначение – это не название какого-то одного цвета или оттенка, а обозначение целой группы похожих оттенков. Номинации с компонентом цвета можно обнаружить во всех областях и сферах человеческой жизни. Цветообозначения, т. е. названия цветов и оттенков, – одно из хорошо разработанных лингвистикой семантических групп. С помощью цветообозначения можно изучать то, как язык категоризирует окружающий мир. Цветовое поле, видимое человеку, и членение этого цветового поля на отрезки, каждый из которых воспринимается как некое единство, как образ, обозначенный отдельным словом, является прекрасной иллюстрацией к проблеме восприятия человеком действительного мира и категоризации воспринимаемого мира при помощи конкретного языка [1, 144]. Сопоставительное изучение семантики цветообозначений показывает проявления диалектики общего и особенного, что в прикладном плане означает наличие сходных, универсальных лексико-семантических вариантов при различной сочетаемости цветообозначений. Различия при совпадении лексико-семантических вариантов зависят от особенностей мировидения разных народов. Богатое количество цветообозначений тюркских языков имеется в их эпических текстах, т. к. именно здесь сохранились уклад жизни предков, быт народа, географическая среда, мировосприятие и культура. Ахроматические цвета являются универсальными, они встречаются практически во всех культурах. В якутском олонхо белый и черный цвета имеют большую значимость. Белому цвету отводится сакральная роль. Он олицетворяет собой счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе [2, с. 158]. Например, цветообозначение «белый» в описании неба используется в качестве составных сложных эпитетов этого объекта. По данным П. А. Слепцова, эпическое небо в

олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» наделяется 130 эпитетами, причем это не только однословные, а составные, включающие до 17 слов, среди которых непременно встречаются лексемы *урун халлаан, манган халлаан* ‘белое небо’. Благодаря такому показу небо становится одним из ключевых эпических объектов [3, с. 208].

Наиболее значимыми в этой области филологического знания являются исследования И. А. Оссовецкого [4], А. П. Хроленко [5], Т. А. Павлюченковой [6], Т. Е. Никулиной [7]. Цветообозначения в якутском фольклоре рассматривали Л. Л. Габышева [8], А. К. Башарина [9].

Актуальность данной статьи заключается в том, что цветообозначения представляют собой семантическое поле, изучение которого вносит вклад в системный анализ лексики в целом. Исследование семантики лексических единиц было и остается одной из наиболее важных и актуальных проблем семасиологии. Еще большую значимость приобретает сопоставительное изучение соотносительных семантических полей разных языков, выявляющее ту «эквивалентность при различии», которая представляет собой «основную проблему языка и основной предмет лингвистики, так как без этого невозможно ни описание языков, ни их сравнение, ни составление словарей и двуязычных грамматик» [10, с. 35].

Цель статьи – анализ всего объема лексических значений ароматических цветообозначений в языке якутского олонхи, и последующее выявление универсальных и идиоэтнических особенностей в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов.

При выполнении работы использовались следующие методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор примеров для анализа; метод контекстуального анализа, позволяющий изучить функциональную специфику слов и их значений в контексте; описательный метод при первичном отборе и классификации материала; сравнительно-исторический метод при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах; сопоставительный метод при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах, а также при выявлении лексико-семантических объемов цветовых прилагательных, соотношения универсального и идиоэтнического в фольклорной системе цветообозначений; метод дистрибутивного и контекстуального анализа, дополненных элементами компонентного анализа, предполагающего разложение значения на семантические составляющие.

Стоит упомянуть исследования И. В. Пухова. Ученый конкретизировал период формирования олонхи как жанра, восходящего ко времени древних тюрков. Он указал, что основные поэтические образы отражают патриархально-родовые отношения, выявив архаичные формы героического эпоса через характерные для него язык, стиль и образные признаки. В частности, И. В. Пухов писал: «Олонхо – эпос древнего происхождения. Указать точное время его возникновения пока не представляется возможным. Очевидно лишь то, что истоки олонхи восходят тому периоду, когда якуты жили на южной своей родине, в соседстве с другими тюрко-монгольскими народами. Южное происхождение олонхи не вызывало особых сомнений в научной литературе» [11, с. 22]. У него вышло несколько работ, в которых приводится сравнительный анализ якутского олонхи и героического эпоса тюрко-монгольских народов. Среди них «Якутское олонхо и эпос алтайцев», «Якутское олонхо и калмыцкий “Джангар”», «Гэсэр и олонх», «Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия» и т. д. Вслед за фундаментальным трудом И. В. Пухова, посвященным якутскому олонху, большинство исследователей стали относить олонху к жанру героического эпоса и склоняться к его научной позиции.

Материалом для исследования выбраны тексты якутского эпоса «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» («Дырыбына Дырылыатта кыыс бухатыр») П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ, хакасского алыптыг-нымаха «Ай-Хуучин» П. В. Курбижекова и алтайского героического эпоса «Алтай-Буучай» в вариантах А. Г. Калкина. Выбор пал на эти произведения, т. к. академические издания этих текстов снабжены хорошим справочным аппаратом, имеют подстрочный русский перевод и относительно одинаковы по объему.

Семантика цветообозначения ‘белый’ – як. *манан*, урун; алт. *ак*, хак. *ак*

Цветообозначения, использованные в эпических текстах якутов, алтайцев и хакасов, носят этнопсихологический характер и этноопределяющий код. В данных текстах ароматические

цветообозначения являются наиболее употребляемыми прилагательными, которые носили сакральное значение в прошлом, и сохранившими доминирующую роль в настоящее время. Из них в первую очередь следует выделить цветообозначение ‘белый’ – як. *манан*, *урун*, алт. *ак*, хак. *ак*.

В якутском языке цветообозначение «белый» обозначается двумя прилагательными: *урун* и *манан*. Первый вариант обозначения белого цвета *урун* является одним из древних тюркских слов со значением «светлый» [12, с. 627]. В якутском олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *манан* ‘белый’ использовано 123 раза, а *урун* ‘белый’ – 59 раз. В алтайском эпосе «Алтай-Буучай» (вариант А. Г. Калкина) цветообозначение *ак* ‘белый’ использовано 23 раза, а в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» – 187.

Использованные цветообозначения «белый» в эпических текстах имеют сложную семантическую структуру, т. к. их лексико-семантический вариант зависит от семантики сочетающихся с ними существительных. Как отмечает И. А. Оссовецкий, особенностью языка фольклора является диффузность семантики функционирующих в нем лексических единиц, нередко осложненная «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [4, с. 29]. Фольклорному слову «присуща семантическая неоднoplановость, многозначность на уровне синтагматики» [5, с. 54], за счет которой создается насыщенность и выразительность изображаемого. При анализе слова в фольклорных текстах следует учитывать особенности лексической коннотации, а именно то, что вообще свойственно слову и за пределами народного творчества, а также «ассоциативный тезаурус», обусловленный всей системой фольклорного мира и его языка» [13, с. 91]. Таким образом, у цветообозначений *манан* и *урун* можно выделить следующие типы значений: прямое номинативное, переносное, оценочное, символическое и фразеологически связанное. Одновременная реализация нескольких значений у интересующих нас лексем объясняется семантической диффузностью фольклорного слова, т. е. специфическим свойством одновременно отражать в своей семантике номинацию и оценку, реальное и символическое, историю, культуру и быт народа. Вследствие этого частыми оказываются случаи значительного контекстного расширения значения прилагательных цветообозначений.

В олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *манан* ‘белый’ определяют 24 имени существительных, а цветообозначение *урун* ‘белый’ – 20. В текстах алтайского эпоса «Алтай-Буучай» цветообозначение *ак* ‘белый’ встречается 11 раз в сочетании с именем существительным, а в текстах хакасского «Ай-Хуучин» – 19. Для анализа их можно сгруппировать на следующие типы:

1. «Цветообозначение + существительные, называющие предметы». В данную группу включены сочетания с прямыми и переносными значениями. **Сочетания с прямыми номинативными значениями:** як. *манан*, *урун* ‘белый’: *манан чүмэчи* ‘белая свеча’, *урун нүөрсүн* ‘белый влажное облако’, *урун хоруонка* ‘белый бисер’, *урун былым* ‘белое облако’; алт. *ак* ‘белый’: *ак токум* ‘белый потник’, *ак кёкин* ‘белое облако’, *ак кулурдан* ‘белая мука’, *ак байканды* ‘белая палатка’; хак. *ах* ‘белый’: *ах тиректін* ‘белый тополь’, *ах хыр* ‘белая седина’, *ах оленгни* ‘белоковыльная степь’, *ах көмік* ‘белая pena’, *ах морчолығ* ‘белый цветок’, *ах туубан* ‘белый туман’, *ах чіп* ‘белая нитка’, *ах хүүс* ‘белый панцирь’, *ах торғы* ‘белый шатер’, *ах чарыхтың* ‘белый свет’, *ах тас хомды* ‘белокаменный гроб’, *ах хараам* ‘белоглазый’, *ах хыроо* ‘белесый иней’, *ах хар* ‘белый снег’.

Большинство сочетаний реализуют переносное значение:

- переносное значение «лучший»: як. *манан* ‘белый’: *манан тусаһа* ‘белый двор’, *манан сэргэ* ‘белая коновязь’, *манан күүлэ* ‘белые сени’, *манан остуул* ‘белый стол’, *манан тэлгэнэ* ‘белый двор’, *урун солөгөй* ‘белая молочная пища’, *урун туой* ‘белая глина’, *манан байбарынын* ‘белый столб-коновязь’; хак. *ах* ‘белый’: *ах пайзан* ‘белый дворец’, *ах пайзан* ‘белое жилище’, *ах ибге* ‘белая юрта’;

- переносное значение «священный»: як. *манан*, *урун* ‘белый’: *урун күл* ‘белый пепел’, *урун сүол* ‘белая дорога’, *урун тыын* ‘белый дух’, *урун буруу* ‘белый дым’, *урун соло* ‘белый досуг’; алт. *ак* ‘белый’: *ак мылтык* ‘белый лук-самострел’, *ак ўлдұмди* ‘белая сабля’;

- переносное значение «волшебный»: алт. *ак* ‘белый’: *ак мырчактан* ‘белая горошина’; хак. *ах* ‘белый’: *ах отты* ‘белая трава’, *ах сүт колге* ‘беломолочное озеро’;

- переносное значение «чистый»: як. *манган, үрүн* ‘белый’: *манган толоон* ‘белая долина’, *манган кырдал* ‘белый бугор’, *манган алаас* ‘белая поляна’, *манган сыңыы* ‘белая равнина’, *үрүн күн* ‘белое солнце’; алт. *ак* ‘белый’: *ак тайганын* ‘белая тайга’, *ак ла* ‘белые лбы’; хак. *ах* ‘белый’: *ах алтында* ‘белое небо’.

2. «Цветообозначение + существительные, называющие животных»: як. *манган* ‘белый’: *манган ат* ‘белая лошадь’, *манган кыталык* ‘белый журавль’, *үрүн* ‘белый’: *үрүн сүүрүк* ‘белый скакун’, *үрүн-хара түүлээх* ‘белая-черная пушнина’, *үрүн чызычаах* ‘белая птичка’, *үрүн тулук* ‘белый снегирь’; алт. *ак* ‘белый’: *ак малын* ‘белый скот’; хак. *ах* ‘белый’: *хулагы Хүү-Пүүрні* ‘белесый волк’, *ах хүс* ‘белая птица’.

3. «Цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность»: як. *манган* ‘белый’: *манган баттах* ‘белые волосы’, *манган ньуур* ‘белый лик’, *субай манган уолаттар* ‘юноши бледнолицые’, *манган кыргыттар* ‘девушки бледнолицые’, *манган сыррай* ‘белый лик’; як. *үрүн* ‘белый’: *Үрүн Аар Тойон* ‘Юрюнг Аар Тойон’, *Үрүн Арылы Хотун* ‘Юрюнг Арылы Хотун’, *Үрүн Уолантаайы* ‘Юрюнг Уолантаайы’.

В первой группе «цветообозначение + существительные, называющие предметы» включено 51 словосочетание, из них сочетания с прямыми номинативными значениями – 22 (в олонхо – 4, в алтайском эпосе – 4, в хакасском эпосе – 14). Большинство сочетаний реализуют переносное значение – 29. Стоит отметить, что в данной подгруппе на первый план выдвигается нецветовое контекстуальное значение. В подгруппе «переносное значение “лучший”» включено 11 словосочетаний, из олонхо – 8, из хакасского эпоса – 3. В данных примерах цветообозначение «белый» употребляется в переносном смысле и показывает, что речь идет о лучших парадных домах, коновязи, столах и т. д. В тексте олонхо можно заметить, что речь идет не о белой по цвету коновязи, а о лучшей:

Тусаналарын иһигэр киирэн,
Тура түнэн баран
Тула баттаан кордөххө –
Бастын¹ киһи кэлэн
Атын баайдын диэннэр
Матаар ойуу баттааыннаах,
Бабыгырыы олорор
Бар өксөкү
Барыллыа кыллаах
Бастын¹ байбарыын **манган сэргэни**
Байбааччи анныбыттар эбит [14, с. 67].

Шагами лёгкими пройдя,
От места не отходя
Постоять-поглядеть –
Чтоб большой человек
С дороги устав,
Лошадь свою привязал,
С узором-матаар продавленным,
С клёкочущим двуглавым
Чучелом бар кыыл-ёксёю
Белый столб-коновязь богатый
Поставили, оказывается [14, с. 68].

Аналогичное употребление наблюдается и в хакасском эпосе «Ай-Хуучин». Жилище богатыря-хана, богатырки-ханши – всегда белый дворец (*ах пайзан*):

Хүчахтанын, Ай Хуучын
Aх пайзан ибге кірген... [15, с. 310].

На руки ее подхватив, Ай Хуучин
[Вместе с нею] в **белый дворец** вошла
[15, с. 311].

В алтайском эпосе «Алтай-Буучай» употребление цветообозначения «белый» в переносном смысле «лучший» не наблюдается.

В подгруппе употребления цветообозначения «белый» в переносном значении «священный» вошли 8 словосочетаний, в т. ч. из олонхо – 6, из алтайского эпоса – 2, в хакасском эпосе не наблюдается. Данные словосочетания с помощью цветообозначения «белый» приобретают священное значение. Например, в олонхо:

Эргэтээбү *ирүн* сүолгун солонон,
Тунааннаах дьолбутун
Дуулажа кыыс ојото
Тосхойон қул! – диэн,
Аналаах айынытытын
Ааттаах кыыс ојото
Анаан ажал! – диэн
Үс дъүнгүлгэн күлүккэр
Үнэн-сүгүрүйэн эрэбин [14, с. 98].

Былую дорожку белую расчистив,
Счастье нам предназначено –
Девочку крепкую
Подай-преподнеси! – говоря,
Предначертанную нам Айысыт
Девочку замечательную
Дай-подари! – говоря,
Пред тремя тенями твоими
Голову склоняю-молю [14, с. 99].

В данном примере речь идет об обращении к высшим силам. Слово *сүол* ‘дорога’ с цветообозначением «белый» приобретает ритуальный характер. В алтайском эпосе богатырь Алтай-Буучай с уважением обращается к своему оружию, предполагается, что для богатыря лук-самострел, сабля являются священными орудиями. Например:

Мен јадала, уйуктазам,
Курдагымды курчанганча
Уйуктайын, тийбе – деди,
Саадагымды танынганча
Амырайын, тийбе – деди,
Ак мылтыгым чупчыбагар,
Жүктенгенче болзын – деди.
Ак ўлдұмди суурбагар,
Танынганча болзын – деди... [16, с. 122].

Если я лягу, засну –
Пояс не сниму,
(Так) усну – не трогайте,
Колчан пусть будет на мне,
Я отдохну – не касайтесь,
Белый лук-самострел не снимайте,
Пусть висит на мне... [16, с. 123].

В подгруппе «переносное значение “волшебный”» включено 3 словосочетания, 1 из алтайского эпоса: *ак мырчактан* ‘белая горошина’; и 2 из хакасского эпоса: *ах отты* ‘белая трава’, *ах сүт көлгө* ‘беломолочное озеро’. Все словосочетания, включенные в данную подгруппу, имеют волшебную характеристику, т. е. эти предметы и места имеют волшебную силу. В рассмотренном якутском олонхо волшебные предметы не даны со цветообозначением «белый».

В следующей подгруппе «переносное значение “чистый”» включено 4 словосочетания из олонхо, 2 из алтайского эпоса и 1 из хакасского эпоса. Стоить отметить, что в данных эпических текстах цветообозначение «белый» широко используются при описании наиболее почитаемых, обожествляемых объектов мироздания: неба, солнца, луны, поля, тайги и т. д. В данных примерах у цветообозначения «белый» реализуется символическое значение «чистый». Можно предположить, что в примерах неба, солнца, луны реализуется переносное значение «священный, чистый».

В второй группе «цветообозначение + существительные, называющие животных» включено 9 словосочетаний, 6 из олонхо, 2 из хакасского эпоса и 1 из алтайского эпоса. Во всех эпосах цветообозначение «белый» употребляется с названиями тотемных животных данных народов. При сохранении своего основного значения «светлый» цветообозначение «белый» приобретает здесь дополнительные смыслы, обусловленные устойчивой, давно осознанной символикой белого цвета, т. к. описываются священные животные и птицы.

В последней группе «цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность» включены словосочетания из олонхо: *манган баттах* ‘белые волосы’, *манган ньюур* ‘белое лицо’, *субай манган уолаттар* ‘бледноликие юноши’, *манган кыргыттар* ‘бледноликие девушки’, *манган сырай* ‘белое лицо’; як. *ирүн* ‘белый’: *Үрүн Аар Тойон* ‘Юрюнг Аар Тойон’, *Үрүн Арылы Хотун* ‘Юрюнг Арылы Хотун’, *Үрүн Уолантаайы* ‘Юрюнг Уолантаайы’. В данных примерах у прилагательного *манган* реализуется символическое значение «священный, божественный», т. к. в представлении древних якутов жители Верхнего мира, добрые божества были воплощением абсолютного верха, святости и чистоты во главе с *Үрүн Аар Тойон* – Белым Верховным Господином, в состав имени которого также входит цветообозначение *ирүн* ‘белый’.

Следует отметить, что в рассмотренных эпических текстах на первый план выдвигаются нецветовые контекстуальные значения «священный, божественный, светлый», «чистый», «лучший», «волшебный, сказочный», связанные с использованием цветообозначения «белый» для передачи идеальности – эпической страны. Стоит отметить, что в данных эпических текстах цветообозначение «белый» выступает не только изобразительным прилагательным, но и в оценочной функции. Данное цветообозначение во всех эпических текстах сопровождается положительной коннотацией. Из идиоэтнических особенностей можно отметить следующее: в олонхо отсутствует волшебный предмет с цветообозначением «белый», а в алтайском и хакасском эпосах не наблюдаются существительные, называющие людей, их внешность с цветообозначением «белый».

Семантика цветообозначения ‘черный’ – як. *xara*, алт. *kara*, хак. *xara*

И так, рассмотрим семантику цветообозначения «черный» в эпических текстах якутов, алтайцев и хакасов. В якутском языке черный цвет представлен цветообозначением *xara*, в алтайском языке – *kara*, в хакасском – *xara*. В якутском олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *xara* ‘черный’ использовано 97 раз, в алтайском эпосе «Алтай-Буучай» (вариант А. Г. Калкина) цветообозначение *kara* ‘черный’ встречается 38 раз, а в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» – 127.

Стоит отметить, что в рассмотренных эпических текстах цветообозначение «черный» выступает как антипод белого в бинарной оппозиции «белое-черное». Если с белым цветом связано позитивное начало (добroe, светлое, чистое, священное, сакральное), то с черным в основном негативное (злое, темное, жестокое). В олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *xara* ‘черный’ определяют 22 имени существительных, в текстах алтайского эпоса «Алтай-Буучай» цветообозначение *kara* ‘черный’ встречается 16 раз в сочетании с именем существительным, а в текстах хакасского «Ай-Хуучин» цветообозначение *xara* ‘черный’ – 11. Цветообозначение «черный» характеризуется сравнительно широким кругом определяемых существительных, принадлежащих к различным тематическим группам:

1. «Цветообозначение + существительные, называющие предметы (в широком смысле слова)». Рассмотрим примеры с прямыми номинативными значениями: в олонхо, як. *xara* ‘черный’: *xara симиин түүлээх* ‘с чёрной шерстью густой’, *ныыгыл xara таанынан* ‘из чёрного камня крепкого’, *xara көмөрө* ‘угли черные’, *xara тулэнэ буруулара* ‘чёрный дым жертвенный’, *xara дъайца былыт* ‘словно серое облако мрачное’, *xara хоруонка хадъаңыннаах* ‘бисером чёрным обшитую’, *xara өнөх хаан* ‘сгустками крови черной’, *xara хаптар күлүүс* ‘чёрный замок железный’, *xara ланыр уорадай* ‘низкие постройки чёрные’, *xara ләэгэй бэрээнэ* ‘черная шапка’; в алтайском эпосе, алт. *kara* ‘черный’: *kara јибек* ‘черная волосяная’, *чой-кара сопогын* ‘чугунные черные сапоги’, *kara кејеге* ‘черная косичка’, *kara саалду* ‘черные усы’, *kara кара кёзи* ‘черные глаза’, *kara тоозын* ‘черная пыль’, *kara кёжкөй* ‘черный занавес’; в хакасском эпосе, хак. *xara* ‘черный’: *xara чирде* ‘черная земля’, *xara сарытыыг* ‘черный валежник’, *xara сүнне* ‘черный сюне’, *xara тас* ‘черный камень’, *xara намыт* ‘черная туча’, *xara тас ибге* ‘черный каменный дом’.

1) Прямое номинативное значение «темный»: в олонхо, як. *xara* ‘черный’: *xara аартык* ‘узкий темный проход’, *Ньюкэн хара улуустарын* ‘страна тёмная’, *эргэнэ хара тыалала* ‘леса в тёмном бору’, *xara күнкүс дъабын аартыгынан* ‘в чёрный проход смердящий’, *xara күнкүс сыйтаах* ‘темный, смрадный’, *xara тыын* ‘темные души’, *xara буор* ‘земля черная’, *xara байдал* ‘черное море’, *xara далай* ‘черные воды’, *xara күнкүс бэйэллээх халлаан* ‘чёрные смрадные, неба путы колдовские’; в алтайском эпосе, алт. *kara* ‘черный’: *kara тайгадын* ‘черная тайга’, *kara тайгады* ‘черная гора’, *kara юлын* ‘черная дорога’, *kara јыдазын* ‘черный пик’, *kara көлдө* ‘черное озеро’; в хакасском эпосе, хак. *xara* ‘черный’: *xara сүгларын* ‘черные реки’, *xara айналар* ‘черная айна’, *xara чирге* ‘черный пот’;

2) переносное значение «ловецкий»: в олонхо, як. *xara* ‘черный’: *xara дъай халаатаабыт* ‘зло чёрное поселилось’, в хакасском эпосе: *xara сагысыг* ‘черный умысел’;

3) переносное значение «кровавый»: в олонхо, як. *xara* ‘черный’: *хааннаах xara бурут* ‘кровавым ядовитым канатом-верёвкой скользким’; в алтайском эпосе, алт. *kara* ‘черный’: *kara јыдазы* ‘черное копье’;

4) переносное значение «грязный»: *хара тынгырах* ‘грязные ногти’, *дэгиэ хара тиинэ килэнни* ‘острые зубы черные выставляя’.

2. «Цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц»: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *хара саңыл* ‘лиса-чернобурка’, *хара сүөһү* ‘скот бурый’, *үрүн-хара түүлээх* ‘с белой-чёрной шерстью’, *халымнаах хара тииннэр* ‘шкурки беличьи китовые’, *хара маңаас оҕүс* ‘шкурой пегих быков’, *хара суор* ‘черный ворон’, *хара наанаңай ынахтар* ‘черных коров низеньких’, *хара улар* ‘черный глухарь’; в алтайском эпосе, алт. *кара* ‘черный’: *кара бажым* ‘черный ворон’, *камдулардын каразын* ‘выдр самых черных’, *камдулардын карапарын* ‘черных из выдр’, *кара ийттү* ‘черный пес’, *кара мүркүт* ‘черный беркут’; в хакасском эпосе, хак. *хара* ‘черный’: *хара хусхун* ‘черный ворон’, *хара сеек чили* ‘черные мухи’, *хара түлгү* ‘черная лисица’, *хара адай* ‘черная собака’, *хара адай* ‘черная сучка’.

3. «Цветообозначение + существительные, называющие людей и их внешность»: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *Хара Мэнериэн эмээхсин* ‘Хара Мэнгирен старуха’, *Суодал бэкир хара, соютох союох хара атах* ‘нога-ступа чёрная’, *хара түөкүн* ‘разбойник’, *хара бэкир кини* ‘черный человек’; в алтайском эпосе, алт. *кара* ‘черный’: *Кара Баатыр*.

В первой группе «цветообозначение + существительные, называющие предметы» включено 41 словосочетание, из них сочетания с прямыми номинативными значениями «черный» – 23 (в олонхо – 10, в алтайском эпосе – 7, в хакасском эпосе – 6); сочетания с прямыми номинативными значениями «темный» – 18 (в олонхо – 10, в алтайском эпосе – 5, в хакасском эпосе – 3).

Цветообозначение «черный» сочетаясь с существительными як. *көмөрө* ‘уголь’, як. *өнөх хаяан* ‘сгустками крови’, як. *намыт* ‘туча’ усиливают значение «черный», т. к. субъекты могут иметь только черный цвет. В остальных примерах цветообозначение «черный» имеет прямое номинативное значение. В некоторых случаях цветообозначение «черный» несет прямое номинативное значение «темный». В отличие от хакасского и алтайского эпосов в якутском олонхо значение «темный» является непременным атрибутом Нижнего мира и его обитателей. Например: *хара аартык* ‘узкий темный проход’, *Ныүкэн хара улустарын* ‘страны тёмная’, *хара кунгус сыйтаах* ‘темный, смрадный’, *хара тыын* ‘темные души’. Универсальная особенность эпических текстов – прямое значение «темный» используется в описании окружающей природы. Например, лес: як. *эрғэнэ хара тыалар* ‘леса в тёмном бору’, алт. *кара тайгадын* ‘черная тайга’. В данном случае цветообозначение «черный» характеризует лес как «дремучий, густой, тесный, без света»; вода: як. *хара байыл* ‘черное море’, як. *хара далай* ‘черные воды’, алт. *кара көлдө* ‘черное озеро’, хак. *хара сүеларын* ‘черные реки’.

Помимо прямого номинативного значения, цветообозначение «черный» реализует переносное значение. В данной подгруппе на первый план выдвигается нецветовое контекстуальное значение. В подгруппе «переносное значение “зловещий”» включены: из якутского олонхо *хара дьай халаатаабыт* ‘зло чёрное поселилось’, из хакасского эпоса *хара сагысыг* ‘черный умысел’. Следует отметить, что в данных примерах изображается негатив, зло. В подгруппе «переносного значения “кровавый”» включены словосочетания: из олонхо *хааннаах хара болот* ‘черный меч кровавый’, *хааннаах хара бурут* ‘кровавым ядовитым канатом-верёвкой скользким’; из алтайского эпоса *кара јыдазы* ‘черное копье’. Можно предположить, что як. *хааннаах болот* ‘кровавый меч’, як. *хааннаах бурут* ‘кровавая веревка’ характеризуются черным цветообозначением из-за крови. Таким образом, подразумевается, что алт. *кара јыдазы* ‘черное копье’ может быть кровавым. В подгруппе «переносное значение “грязный”» включены словосочетания: як. *хара тынгырах* ‘грязные ногти’, як. *дэгиэ хара тиинэ килэнни* ‘острые зубы черные выставляя’. В данных примерах цветообозначение «черный» употребляется в переносном смысле и показывает, что речь идет о грязных до черноты ногтях и зубах.

Во второй группе «цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц» включено 18 словосочетаний: 8 из олонхо, 5 из хакасского эпоса и 5 из алтайского эпоса. В данную тематическую группу животных и птиц прилагательное *хара* может синтезировать сразу два номинативных значения – «черный цвет» и «темный». Первое значение «черный цвет» реализует в сочетании с существительными: из олонхо: *хара саңыл* ‘лиса-чернобурка’, *хара сүөһү* ‘скот бурый’, *үрүн-хара түүлээх* ‘с белой-чёрной шерстью’, *хара маңаас оҕүс* ‘шкурой пегих быков’, *хара суор* ‘черный ворон’, *хара наанаңай ынахтар* ‘черных коров низеньких’,

хара улар ‘черный глухарь’; из алтайского эпоса: *кара бажым* ‘черный ворон’, *кара ийттуу* ‘черный пес’; из хакасского эпоса: *хара хусхун* ‘черный ворон’, *хара сеек* ‘черные мухи’, *хара түлгү* ‘черная лисица’, *хара адай* ‘черная собака’, *хара адай* ‘черная сучка’. Следует отметить, что во всех рассмотренных эпических текстах присутствует «черный ворон». Черный ворон в фольклоре многих народов имеет символические коннотации. Зловещая символика ворона подтверждается следующими примерами, в олонхо:

Халаахтаан көтөр
Хара супор курдук
Халбана уот долгунна
Хап төбөтүн оройунан
Хараарыс гынан хаалла [14, с. 411].

Словно ворон чёрный,
По небу летящей,
Криком своим тревожа,
В моря огненном валу
Вниз головой нырнул [14, с. 412].

В алтайском эпосе:

«*Кускун болгон кара бажым,*
О, кудай, кажайкалтыр.
Кадышкындый кату тижим,
Куубудактый, арасайкалтыр» [16, с. 308].

«Волосы мои, как **черный ворон**,
О, кудай, побелели, оказывается,
Твердые, как кадышкин, мои зубы
Будто сухие ветки торчат, оказывается»
[16, с. 309].

В хакасском эпосе:

Иди көр турганда,
Адайлар мухырса түскен,
Хустынг табырагы хара хусхуниар
Хурхылаза түскеннэр [15, с. 116].

Когда он так смотрел,
Сонные собаки залаяли,
Самые быстрокрылые из птиц **черные вороны**,
Перекликаясь, закаркали [15, с. 117].

В остальных примерах цветообозначение «черный» при сочетании с существительными як. *тиин* ‘белка’, алт. *камдулардын* ‘выдра’, *мүркүт* ‘беркут’ употребляется в значении «темный».

В последнюю группу «цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность» включены словосочетания из олонхо и алтайского эпоса. Стоит отметить, что все они – существительные, называющие отрицательных героев. В эпических текстах данных народов во многих именах отрицательных героев присутствует цветообозначение «черный», т. к. во многих культурах оно символизирует несчастье, печаль и горе.

Заключение

При сопоставлении ахроматических цветообозначений вскрываются сходства и различия лексики разных языков. Белый цвет занимает центральное место как по числу определяемых существительных, так и по количеству лексико-семантических вариантов, реализуемых в тех и других текстах. В сопоставляемых текстах для цветообозначения «белый» универсальными значениями являются: 1) сочетания с прямыми номинативными значениями, 2) переносное значение «лучший», 3) переносное значение «священный», 4) переносное значение «чистый», 5) цветообозначение «белый» с существительным, называющим животное. Данные совпадающие значения показывают, что познание действительности данных народов имеет общий, интернациональный характер. Идиэтническое заключается в том, что только в якутском олонхо имеется сочетание цветообозначения «белый» с существительным, называющим людей и их внешность. Также стоит отметить, что в сопоставляемых эпических текстах наблюдается использование цветообозначения «белый» в переносном значении «волшебный», который отсутствует в олонхо.

Цветообозначение «черный», также как и «белый», относится к центру фольклорного цветового поля. В сопоставляемых текстах универсальными для прилагательного «черный» являются следующие значения и определяемые ими существительные: 1) прямое номинативное

значение «темный», 2) переносное значение «зловещий», 3) переносное значение «кровавый», 4) «цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц», «цветообозначение + существительные, называющие людей и их внешность». Данный анализ показывает, что в сознании якутов, алтайцев, хакасов черный цвет устойчиво ассоциируется со всем негативным и злым. Характерными только для якутского олонхо являются лексико-семантические варианты, реализующие переносное значение «грязный».

Стоит отметить, что различия при совпадении лексико-семантических вариантов зависят от особенностей мировидения разных народов, т. к. языкам соответствует своя особая организация данных опыта [17, с. 408], также в разных языках одинаковый смысл обозначаются неодинаковыми словами [18, с. 73].

Литература

1. Перехвальская Е. В. Этнолингвистика : учебник для академического бакалавриата. – Москва : Юрайт, 2018. – 351 с.
2. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – Москва : ГРВЛ, 1988. – 200 с.
3. Слепцов П. А. Якутский литературный язык : формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1990. – 273 с.
4. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. – Москва : Наука, 1982. – 198 с.
5. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии. – Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 1976. – 64 с.
6. Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин : дисс. ... к. филол. н. – Москва, 1984. – 195 с.
7. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дисс. ... к. филол. н. – Москва, 1989. – 16 с.
8. Габышева Л. Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык - миф - культура народов Сибири. – Якутск : ЯГУ, 1994. – С. 3-23.
9. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : дисс. ... к. филол. н. – Москва, 2000. – 207 с.
10. Ахманова О. С. Рецензия на книгу «On Translation» Ed. R. Brower Cambridge // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 35.
11. Пухов И. В. Героический эпос алтее-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск : Изд-во СО РАН. Якутский филиал, 2004. – 328 с.
12. Древнетюркский словарь / Ред. Н. А. Никитина, Н. П. Рычкова. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
13. Хроленко А. Т. Коннотативный аспект фольклорного слова // Вопросы семантики : межвуз. сб. / Отв. ред. А. И. Дубяго. – Калининград : КГУ, 1984. – С. 89-95.
14. Ядрихинский П. П. Дырыбына Дырылыатта кысы бухатыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта : олонхо. – Якутск : Сайдам, 2011. – 448 с. (На якутском и русс. яз.).
15. Хакасский героический эпос : Ай-Хуучин / Вступ. ст., примеч. и comment. В. Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 16). (На хакасском и русс. яз.).
16. Алтайские богатыри / Министерство образования, науки и молодежной политики Республики Алтай ; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтайстики им С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2013. – 437 с. (На алтайском и русс. яз.).
17. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3 / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – С. 366-566.
18. Морковкин В. В. Идеографические словари и обучение языку // Вопросы учебной лексикографии : сб. ст. / Под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. – Москва : Изд-во МГУ, 1969. – С. 72-92.

References

1. Perekhval'skaya E. V. *Etmolingvistika: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Ethnolinguistic textbook for academic bachelor]. Moscow, Yurait, 2018, 351 p. (In Russ.).

2. Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simvolika traditsionnoi kul'tury mongolov* [Category and symbolism of Mongol traditional culture]. Moscow, GRVL, 1988, 200 p. (In Russ.).
3. Sleptsov P. A. *Yakutskii literaturnyi yazyk: formirovaniye i razvitiye obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literature language: formation and development of nationwide norms]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-e, 1990, 273 p. (In Russ.).
4. Ossovetskii I. A. *Leksika sovremennoy russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow, Nauka, 1982, 198 p. (In Russ.).
5. Khrolenko A. T. *Leksika russkoi narodnoi poezii* [Vocabulary of Russian folk poetry]. Kursk, Izd-vo Kurskogo gos. un-ta, 1976, 64 p. (In Russ.).
6. Pavlyuchenkova T. A. *Prilagatel'nye so znacheniem tsveta v yazyke russkikh bylin* [Adjectives with color meaning in language of Russian bylinas]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, 1984, 195 p. (In Russ.).
7. Nikulina T. E. *Tsvetovye prilagatel'nye v yazyke razlichnykh zhанrov russkogo fol'klora* [Color adjectives in language of various genres of Russian folklore]. Avtoref. diss. ... k. filol. n. Moscow, 1989, 16 p. (In Russ.).
8. Gabyshева L. L. *Prostranstvenno-vremennaya leksika i tsvetovaya metafora v tekstakh olonkho* [Space-time vocabulary and color metaphor in olonkho texts]. In: *Yazyk - mif - kul'tura narodov Sibiri* [Language - myth - culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, YaGU, 1994, pp. 3-23. (In Russ.).
9. Basharina A. K. *Semantika tsvetoobraznichenii v fol'klornyykh tekstakh (opyt sopostavitel'nogo analiza na materiale yakutskikh olonkho i russkikh bylin)* [Semantics of color formation in folklore texts (experience contrastive analysis a case study of Yakut olonkho and Russian bylinas)]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, 2000, 207 p. (In Russ.).
10. Akhmanova O. S. *Retsenziya na knigu "On Translation"* Ed. R. Brower Cambridge [Review on the book "On Translation" Ed. R. Brower Cambridge]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Philology questions]. 1960, No. 3, p. 35. (In Russ.).
11. Pukhov I. V. *Geroicheskii epos altae-sayanskikh narodov i yakutskie olonkho* [Heroic epic of Altai-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk, Izd-vo SO RAN. Yakutskii filial, 2004, 328 p. (In Russ.).
12. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Red. N. A. Nikitina, N. P. Rychkova. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.).
13. Khrolenko A. T. *Konnotativnyi aspekt fol'klornogo slova* [Connotative aspect of folklore word]. In: *Voprosy semantiki: mezhvuz. sb.* [Semantics questions: interuniversity collection]. Otv. red. A. I. Dubyago. Kaliningrad, KGU, 1984, pp. 89-95. (In Russ.).
14. Yadrikhinskii P. P. *D'yrybyna D'yrylyatta kyys bukhatyrr = Devushka-bogatyr' Dzhyrybyna Dzhyrylyatta: olonkho* [The woman-warrior Dzhyrybyna Dzhyrylyatta: olonkho]. Yakutsk, Saidam, 2011, 448 p. (Yakut and Russ.).
15. *Khakasskii geroicheskii epos: Ai Khuuchin* [Khakass heroic epic: Ai-Khuuchin]. Vstup. st., primech. i komment. V. E. Mainogashevoi. Novosibirsk, Nauka, 1997, 479 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 16* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 16]). (In Khakass and Russ.).
16. *Altaiskie bogatyri* [Altay bogatyrs]. Ministerstvo obrazovaniya, nauki i molodezhnoi politiki Respublikii Altai; BNU RA "Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im S. S. Surazakova". Gorno-Altaisk, Gorno-Alt. tip., 2013, 437 p. (In Altay and Russ.).
17. Martine A. *Osnovy obshchei lingvistiki* [Basics of general linguistics]. In: *Novoe v lingvistike. Vyp. 3* [New in linguistics. Iss. 3]. Sost., red. i vstup. st. V. A. Zvegintseva. Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1963, pp. 366-566. (In Russ.).
18. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari i obuchenie yazyku* [Ideographic dictionary and language learning]. In: *Voprosy uchebnoi leksikografii: sb. st.* [Questions of training lexicography: articles collection]. Pod red. P. N. Denisova, L. A. Novikova. Moscow, Izd-vo MGU, 1969, pp. 72-92. (In Russ.).